

ИДУЩИЙ ОТДЕЛЬНО

Выставка к юбилею Максимилиана Волошина

**Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»**

Экспозицией «Дом Поэта. Прошлое и настоящее» в Литературном музее отмечено не только 125-летие рождения, но и 70-летие смерти поэта и художника. Обе знаменательные даты действительно приходится на нынешний год, и обе уже поэзии. Скончался Волошин в августе, а родился и вовсе в мае, на Духов день, что дало ему в свое время повод важничать и кокетничать насчет предназначения: «Отсюда, вероятно, моя склонность к духовно-религиозному восприятию мира и любовь к цветению плоти и вещества во всех его формах и ликах...

Во что действительно верил «киммерийский отшельник», без учета специфики Серебряного века понять непросто. Он и оккультист, и франкмасон, и антропософ, и натуралист. Дуэлянт, мистификатор, репортер, философ, путешественник и т.д. Символист средней руки по мнению одних и величайший летописец «русской трагедии» в глазах других. Исповедальные интонации в поэзии и прозе не должны вводить в заблуждение: в те годы и в тех кругах искренность без позерства была немислима. Проблемы лидерства легко изменили русло нравственных исканий, возлюбленные дамы переносились туда-сюда из поднебесья в разряд «бездушных

кукол», а политические заявления могли отражать что угодно, вплоть до изжоги от шампанского. Революционная действительность на многое заставила смотреть иначе, и все-таки не забудем характеристику Волошина, оставленную не меньшим кривлякой Ильей Эренбургом: «Глаза его не дневник, но только многотомный энциклопедический словарь».

За что же так любили и продолжают любить Макса Волошина поколения советских интеллигентов? Не за стихи, надо думать, и не за крымские акварели (те и другие больше служат знаками почтения). Пожалуй, за образ жизни и манеру поведения, за обособленность от любых правящих идеологий. За то, что шпылял врагов из пароксизма чувств, а не по указке из центра. Что соблазнял женщин любовной лирикой, а чекистов подкупал гражданской — не наоборот. Что был начитан, щедер, гостеприимен и самое главное — основал коктебельскую колонию, которая разрослась со временем до невозможных размеров. Нет теперь ничего приятнее, чем обогнуть тайку «дикарей», наткнуться на стихийную свалку, ступив одной ногой в бензинную лужу и проткнув осколком стекла другую, после чего подумать с горечью: бже мой, разве за этим он воспевал Гомеру страну и стелил для друзей топчаны в мансарде?

Паломничество в Коктебель —

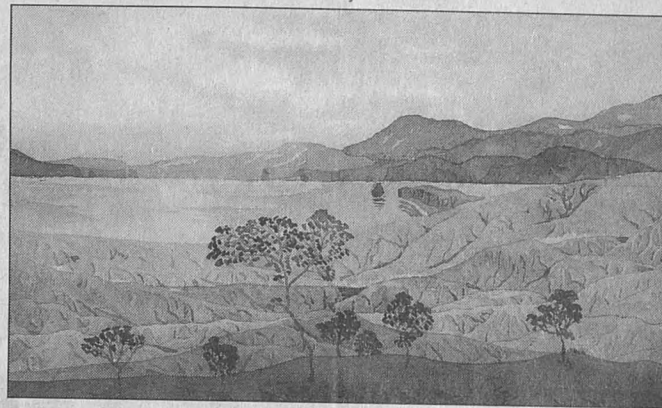
еще не признак всенародной любви к творчеству Волошина. Скачкообразный график популярности возник уже при жизни мэтра. Сразу после гражданской войны «двух станом не боец» игнорировался пролетарской печатью, в середине 20-х началось было воскрешение славы, но вскоре гайки завернули до отказа. В 1961 году прошла выставка волошинских акварелей в рабочем клубе вертолетного завода Михаила Миля, затем появились робкие публикации литературного наследия. В роли колоритного, но малозначительного декадента Волошин просуществовал до начала перестройки, когда его безуспешно попробовали внедрить в массовое сознание — уже в качестве борца с коммунизмом. Потом настал период открытого наплеваательства, сейчас вроде бы опять интересно...

Пока что память о Волошине усерднее всех блюдет московские коктебелы. Выставка в Трубниковском переулке построена в основном на семейных архивах: скинулись Габричевские, Шервинские, Арендты и другие, кому дорого имя юбиляра и есть что представить. Кроме пространного ряда акварельных и гуашевых крымских пейзажей, юмористических зарисовок и дружеских шаржей, писем и прижизненных изданий, в экспозицию включены фотографии, сделанные самим Волошиным. Амплуа неожиданное и не-

сколько легкомысленное. Серия автопортретов сродни тем кадрам, что остаются после посещения нынешних моментальных кабинок.

Отдельно стоит упомянуть работу Александра Гусева по экспонированию фотоархивов. Тусклые и мелкие карточки новейшими методами доведены до ясного, развернутого прочтения. Перед глазами то проводы из коктебельского дома Марины Цветаевой, то парад-алле участников театрализованного представления «Путями Макса». Все приоделись в реквизит, намазали рожи кирпичом да мелом и на минуту забыли, что трагестируют трагическое произведение — «Путями Каина».

Дожил бы автор до середины 30-х, лежал бы где-нибудь в тундре. А так — вполне романтически, на том самом киммерийском холме, что неоднократно запечатлевался им в акварельных красках. Пронесется дух Елизаветы Дмитриевны — сальот Волошину, превратившему посредственную поэтессу в загадочную Черубину де Габриак. Проскачет призрак Николая Гумилева — привет Волошину, смертельному врагу и поэтическому конкуренту. Проплывет мимо образ первой жены, Маргариты Сабашниковой, — не издает ни звука. А пройдут туристы — ну да, могила поэта и всякое такое. И двинутся дальше любоваться цветением плоти и вещества во всех его формах.

Специально на открытие выставки из Петербурга приехал знаменитый волошиновед, основатель дома-музея в Коктебеле, исследователь и публикатор Владимир КУПЧЕНКО. Он ответил на наши вопросы о недавней истории музея и его нынешнем состоянии.

— При каких обстоятельствах дом опального поэта обрел статус музея?

— Свое владение Волошин завещал Союзу писателей, и долгое время здесь был дом творчества. Флигель и первый этаж занимали приезжие литераторы, а во втором этаже жила вдова поэта Мария Степановна. Она часто принимала гостей, давала им для чтения рукописи — в общем, стремилась поддерживать память о муже. Из Москвы и Ленинграда друзья и почитатели Волошина — Корней Чуковский, Николай Тихонов, Мариэтта Шагинян — этот неофициальный музей защищали и прикрывали. Незадолго до своей смерти Мария Степановна согласилась на предложение Феодосийской картинной галереи открыть здесь филиал, ведь требовался ремонт, необходимо было сохранить тысячи экспонатов.

— Вы стали директором?

— Точнее, заведующим сектором. А поначалу был там единственным научным сотрудником. Помню, как мучительно и долго происходила реставрация, как годами описывались архивные документы и произведения искусства. До официального открытия я так и не «дожил»: в 1983 году меня выгнали после обвинений в антисоветской пропаганде и обыска КГБ (нашли только литературоведческие книги, зато изданные за рубежом). Я написал письмо Андропову и через месяц был отпущен, но в коктебельский дом уже не вернулся.

— Говорят, что его состояние сегодня плачевно...

— За два десятка лет сменились несколько заведующих, и музей действительно приходит в упадок. В последний раз я там был в 1993 году и тогда уже испытывал опасения. Сейчас, по отзывам, дело совсем плохо: отходят балки, проваливаются балконы, осыпается черепица. Нужен еще один капремонт, но не слышно, чтобы кто-нибудь этим всерьез озабочился — что в России, что на Украине.